УПРАВЛЕНЕЦ № 1/47/ 2014

Бинарность правосознания личности в условиях институциональных трансформаций

СТОЖКО Дмитрий Константинович
Кандидат философских наук, доцент кафедры общей и экономической истории

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 221-27-12
E-mail: kostskp@mail.ru

ФОМЕНКО Светлана Сергеевна
Заместитель директора учебно-производственного центра

ОАО «Газпром-Трансгаз»
628260, РФ, Тюменская область, г. Югорск, ул. Мира, 15
Тел.: (34675) 2-17-15
E-mail: sfomenko@ttg.gazprom.ru

Аннотация

Рассматривается проблема институциональных трансформаций и их влияния на правосознание личности. Обосновывается тезис о сохраняющемся противоречии между традицией и нормами права в практике государственного законотворчества. Делается вывод о двойственной (бинарной) природе современного правосознания и переходном состоянии системы взаимоотношений между личностью и государством. Структурированы основные проблемы совершенствования современного правосознания личности при переходе к системе социального партнерства.

JEL classification

Z13

Ключевые слова

ПРАВОСОЗНАНИЕ
ЗАКОН
ПРАВО
НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ
БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ
СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО
СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО
УПРАВЛЕНИЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ

Российское общество в настоящее время переживает период существенной социально-культурной трансформации. Прежние идеология, культура, менталитет, нормы морали и нравственности в условиях рыночной экономики замещаются новыми, и, к сожалению, далеко не всегда лучшего качества, рыночными по своему характеру институтами.

Институты – это организационно оформленные «правила игры», которые включают в себя определенные установки, мотивы, стереотипы мышления и стандарты поведения [11]. Они кристаллизуются в идеалах и образцах, нормах права и морали, следование которым становится необходимым либо в силу собственного личного выбора людей, либо по принуждению.

Однако следует подчеркнуть, что *институты* отличаются от *институций* [1. С. 166–167], которые также представляют собой определенные ценности. Но как ценности *институции* оказываются еще не только не превратившимися в *нормы* поведения, но и организационно не оформленными. Поэтому различие между этими двумя понятиями – это различие между *сущим* и *должным*. А, как гласит известное изречение, «благими намерениями вымощен путь в ад». Смысл этого выражения в данном случае состоит в том, что отнюдь не все благие намерения становятся нормами поведения. Поэтому перед наукой встают сразу три ключевых вопроса:

- как формируются новые ценности общества с рыночной экономикой (*институции*)?
- каким образом эти ценности превращаются в нормы поведения людей (*институты*)?
- от чего зависит *качество* новых ценностей – норм поведения людей?

Аксиологическое пространство, в котором происходит процесс формирования новых институтов, несет на себе отпечаток бинарных оппозиций. Центральная ось этих оппозиций лежит в плоскости «*свое – чужое*». Основными полюсами бинарных оппозиций оказываются *право* как формальный институт и *традиция* как неформальный институт. Между правом и традицией нет полного совпадения. Часто они входят в противоречие. Наконец, они могут выступать и антагонистами по отношению друг другу, как, например, государственное законодательство и традиции шариата на Востоке или обычай кровной мести (вендетта) на Сицилии и т.д. Причины бинарной оппозиционности кроются не только в том, что традиция отражает историю этноса, а право и закон – по большей части требования времени. Причины эти связаны еще и с тем, что закон и нормы законодательства отражают интересы определенной части общества, которые эта часть навязывает другой части общества. Консенсус в сфере законодательства – это по большей части неустойчивое равновесие.

Именно поэтому изменения системы власти и всей политической системы в первую очередь оказываются связанными с изменениями в области законодательства. Каждая новая политическая элита пытается обезопасить себя и свою власть путем пересмотра прежних законов. Это относится в полной мере и к России. Прежнее советское законодательство за последние четверть века, прошедшие после распада Советского Союза, изменено «до неузнаваемости». А вот советские традиции и стереотипы мышления во многом остаются прежними. И тут не помогают ни смена поколе-

Binarity of Legal Consciousness of the Individual in Conditions of Institutional Transformations

Dmitry K. STOZHKO
Cand. Sc. (Philosophy), Associate-Prof. of General and Economic History Dept.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45
Phone: (343) 221-27-12
E-mail: kostskp@mail.ru

Svetlana S. FOMENKO
Deputy Director of Training and Production Centre

OAO Gazprom-Transgaz
628260, RF, Tyumen oblast, Yugorsk, Mira St., 15
Phone: (34675) 2-17-15
E-mail: sfomenko@ttg.gazprom.ru

Key words

LEGAL CONSCIOUSNESS
LAW
RIGHT
CODE OF CONDUCT
BINARY OPPOSITIONS
SOCIAL PARTNERSHIP
SOCIAL STATE
LEGAL STATE
GOVERNANCE
SELF-GOVERNANCE

Summary

The problem of institutional transformations and their impact on legal consciousness of the individual is considered. The thesis on the continuing conflict between tradition and the rule of law in practice of public lawmaking is justified. The authors reach the conclusion about dual (binary) nature of today's legal consciousness and transition state of the system of relations between individual and government. The main problems of improving the sense of justice of the individual in the transition to the system of social partnership are structured.

JEL classification

Z13

ний, ни «открытое общество», ни глобализация, ни интеграционные процессы.

Некоторые исследователи пытаются доказать обратное, а именно, что за последние четверть века в нашей стране сформировался принципиально новый тип человека, лишенного традиционного мышления, «совкового» прошлого. Ю.А. Левада, например, даже предложил термин для обозначения такого «нового человека»: *homo postsoveticus* [5].

Вот что пишет по этому поводу Р.Л. Лившиц: «Радикальные реформы российского общества идут второй десяток лет. Эмпирическая база для анализа и обобщений вполне достаточна. По мере развертывания реформ становится все более ясной цель перемен: полный слом советского жизнеустройства и преобразование советского человека ("совка", как одно время его именовали в демократических СМИ) в человека принципиально иного типа… Можно ли утверждать, что в стране в массовом порядке формируется некий *homo postsoveticus*?» [6. С. 110]. Известный российский философ и социолог Е.И. Дискин полагает, что да, это происходит. Образ советского человека он рисует как нежизненный, иждивенческий, неконкурентный [3. С. 37].

В противоположность этому мнению, окончательный вывод Р.Л. Лившица состоит в следующем: «Человек, живущий в постсоветскую эпоху, не превратился в *homo postsoveticus*… На наш взгляд, вероятность формирования в России в массовом масштабе принципиально нового антропологического типа не выше, чем вероятность приобщения нашей страны к "золотому миллиарду", т.е. равна нулю… Все надежды на то, что в России в результате "реформ" сформируется человек западного типа, *homo postsoveticus*, не оправдались. Строптивая российская реальность не пожелала следовать грезам "реформаторов"» [6. С. 116–117].

А ведь об этом писалось еще в самом начале XXI века. Институциональные трансформации, в частности касательно отношений власти и народа, после взлета либерализма в 90-е годы XX века начали существенно отличаться от предыдущего периода. Отмечая это обстоятельство, В.М. Межуев писал: «Сегодня мы вновь возвращаемся к традиционной для нас форме самовластного правления… Уже в какой раз Россия, устав от дарованной ей свободы, ищет покоя и порядка в твердой руке и единоличной власти» [10. С. 98].

Спустя четверть века в нашем обществе все еще сохраняется в качестве наиболее распространенного (массового) антропологического типа именно *homo soveticus*. Важным его признаком является правосознание, т.е. осознание своих прав. И прежде всего, права требовать от государства помощи, поддержки, гарантий, обеспечения. Это то, что И.Е. Дискин считает иждивенчеством, в противоположность рыночному типу человека, который надеется только на самого себя. Так вот этого рыночного типа, этого *homo postsoveticus* в современном российском обществе крайне мало. Свидетельством чему является и отношение государства к указанным правам граждан. Постсоветское государство не перечеркнуло их, не выбросило на обочину истории. Наоборот, «субсидии и поддержка нуждающихся уже достигли 10% от валового национального продукта, что на 25% больше дореформенной поддержки» [2. С. 211].

Дискуссия между «оптимистами» и «пессимистами» в вопросе о формировании нового антропологического типа в российском общества – это, в общем и целом, дискуссия представителей различных мировоззрений. Это спор между традицией, как историческим опытом развития русского народа, и либеральным законодательством, как попыткой формирования «сверху» новой социально-экономической модели развития страны. В этой связи интересно следующее суждение: «В течение многих веков в России существовали два параллельных строя: общественный и государственно-эгоистический. Отсюда и русская раздвоенность: в русских сосуществуют принципы добра и принципы прямо противоположные. Двойная мораль, двойственный характер русских по-разному

проявлялись в разных обстоятельствах. В общинном сакральном сознании лежит секрет силы русского духа: "сам погибай, а товарища выручай"» [2. С. 239]. Естественно, что в государственно-эгоистическом типе сознания, которое выделяет В.К. Бакшутов, лежат совершенно противоположные установки. Но, в общем и целом, это сознание российского чиновничества, сознание бюрократии, которая пытается навязать свои ценности народу. Что из этого получается – вопрос риторический. Подавляющая часть многонационального российского народа, за исключением крайне незначительной части интеллигенции и молодежи, отвергает эти «ценности» как чуждые.

Таким образом, институциональные трансформации, связанные с конкуренцией между формальными и неформальными институтами в современном российском обществе, свидетельствуют о переходном состоянии правового сознания россиян. Вопреки традиционному правосознанию, ориентированному на идеалы социального мира, социальной справедливости, социальной ответственности, россиянам предлагается принципиально новая модель либерального законодательства. Эта модель характеризуется европейской ангажированностью, немотивированным «гуманизмом» по отношению к насильникам, мошенникам и коррупционерам, внутренней противоречивостью (институциональные ловушки), низкой степенью социальной справедливости.

В таких координатах человек не просто утрачивает собственную родовую, этническую и культурную идентичность. А он этого не хочет. В самом деле, кого могут вдохновить такие рассуждения: «Погруженная в свои бесконечные равнины, не находящая нигде приюта в своей земельной юдоли… скитается русская душа, свободная от всего, вплоть до самой себя…» [7. С. 58]. О какой целостной личности, о какой ее предметности можно тут вообще говорить?

Бинарный фон развития правосознания современного россиянина обусловлен не только оппозицией формальных законов и историко-культурных традиций. Другая причина состоит в рыхлости, нецельности, внутренней противоречивости самого формального закона и его норм. Для правосознания личности это обстоятельство имеет не меньшее значение, чем первое обстоятельство. Ведь правосознание как модальность самосознания личности стремится к тому, чтобы сама личность была целостной, завершенной. Если же при этом правосознание сталкивается с рыхлым, противоречивым законодательством, на основе которого формируется правовое сознание личности как таковое, то между правосознанием и правовым сознанием возникает дихотомия, раздвоенность, внутренняя несогласованность. В процессе развития личности она в такой ситуации останавливает свой выбор на корневых, родных, исконных, традиционных представлениях, а не на тех, которые ей, пускай даже под угрозой наказания, диктует власть. Не в этом ли и состоит глубинная причина столь пренебрежительного отношения к нормам закона в современном российском обществе? Как можно уважать, а тем более соблюдать нормы закона, если правосознание, этот внутренний голос совести, говорит человеку, что закон не только суров, но еще и несправедлив и даже двусмыслен.

Самосознание личности (и в этом смысле правосознание не является каким-то исключением) нацелено на гармонизацию объективной и субъективной реальности, сознания и души. В этом заключается фундаментальная роль самосознания (правосознания). Поскольку «расколотый» человек, в котором собственный менталитет находится в противоречии с институциональной внешней средой, это человек страдающий, испытывающий муки совести, постольку он, этот «расколотый» человек, стремится избавиться от данного состояния, следуя именно голосу совести. Но совесть отнюдь не всегда диктует то, что диктуют законы. Многие судьи признают, что выносимые ими судебные решения порой оказываются в противоречии даже с их собственными представлениями о справедливости. Но так диктуют нормы закона. Поэтому «дух закона» – это результат правосознания, развития неформальных институтов, тогда как «буква закона» – это установленная законодательством формальная норма и ничего более. В этом смысле можно вспомнить утверждение Ж.-П. Сартра о том, что «человек есть то, что он есть» и что самосознание есть «бытие для себя», которое есть возникновение отрицания [12]. Отрицание нашим правосознанием действующих норм закона чаще всего есть именно такое «бытие для себя», проявление его двойственности и бинарных оппозиций.

Тем не менее справедливо утверждение о том, что «его действительная двойственность заключается в противоречии *сущего* и *должного*, ибо человек живет в сущем, а ищет бытие в должном» [14. С. 127]. Но не только в этом заключается диалектика правового сознания и самосознания личности. Глубинным ее основанием выступает дилемма между *управлением* как внешним воздействием на человека посредством законодательных норм и *самоуправлением* как стремлением человека к освобождению от этих внешних по отношению к нему регуляторов и следованием собственным нормам, вырабатываемым посредством собственного правового сознания. «Самоуправление есть процесс самоорганизации личности посредством осуществления ею собственной самостоятельности. Проблема самоорганизации выходит далеко за пределы вопроса о самоуправлении и охватывает не только социальные субъекты, но и все иные субъекты и объекты макромира и микромира» [4. С. 702]. При этом «самоуправление представляет собой процесс становления, самоопределения и самореализации личности посредством ее самостоятельной, непосредственной самореализации, преодоления ею самою своего отчуждения от общества, от социальной среды, в которой она развивается. Иначе говоря, самоуправление выступает специфической функцией личности в том смысле, что не только общество воспитывает ее, воздействует на человека, но и сам человек воздействует на самое себя, определяет свои интересы и приоритеты, собственную иерархию ценностных ориентаций в мышлении и поведении» [9. С. 11].

Самоуправление есть функция самосознания. Правовое самосознание содействует переводу самоуправления в конструктивное состояние, способствует социальной адаптации личности в обществе. Управление как таковое нацелено на совершенно иную задачу – на подчинение личности обществу. Адаптация и подчинение суть различные понятия, отражающие принципиально разную природу и характер включения личности в общество. В основе этих двух различных способов включения личности в общество лежат разные факторы. Немецкий ученый Л. фон Штейн, например, различал внутреннее управление (самоуправление) и внешнее управление (государственное управление). Под управлением он понимал деятельность государства по регулированию «жизненных отношений». Право управления, по его мнению, распадается на три категории: государственное хозяйство, правосудие и внутреннее управление.

Правосудие связано с понятием о праве, внутреннее управление – с понятием о соглашении между гражданином и государством. Правом Л. фон Штейн называл нерушимость одной жизненной сферы при движении другой, а законом – определенное выражение воли государства (см.: [8]).

Государство немецкий ученый рассматривал как сверхличность. В этом, собственно говоря, не было ничего нового. В России В.С. Соловьев также толковал «личность – как суженное общество, а общество – как расширенную личность» [13. С. 161]. Разница в представлениях двух указанных ученых состояла лишь в том, что Л. фон Штейн сводил сущность государства к абстрактной сверхличности, а В.С. Соловьев – к обществу как таковому. Если по Гегелю государство представляет собой идею разума, свободы и права, то, по мнению Л. фон Штейна, государство есть закономерный результат развития *гражданского* общества. «Государство есть союз людей как единое, самоопределяющееся целое или как самостоятельная личность» (цит. по: [8. С. 237]). В своей работе «Учение об управлении» он писал: «Государство есть общество, возвышающееся до самоопределения личности, а вместе с тем до высшей и внутренней индивидуальности. Государство является нам в государственном устройстве, исполнении и управлении… Управление есть действующее государство» [8. С. 239]. Выстраивая схему действий государства, он определяет его сущность как живое, индивидуальное «я» с личными и общественными элементами внутри себя, с волей и с силой деятельности. Личная воля государства проявляется в законодательстве, а государственное сознание – в управленческой деятельности.

Обращает на себя внимание, что немецкий ученый совершенно произвольно трактовал государство как личность. Подменяя понятия *государство* и *общество*, он и внутреннее управление рассматривал по существу как государственное управление личностью: «Идея внутреннего управления основывается на том, что идеал человеческого развития есть совершенный человек. Совершенство же отдельного человека невозможно при усилиях его одного. Личность, которая желает выполнения этой идеи внутреннего управления и выполняет ее, есть государство» [8. С. 242].

Суждения немецкого исследователя свидетельствуют об определенном смешении понятий *правовое государство* и *социальное государство*. Правовое государство, даже если его трактовать как личность, отнюдь не будет на деле личностью как таковой, а его интересы отнюдь не совпадут с интересами личности и общества как «расширенной личности». Только социальное государство может рассматриваться как «расширенная личность». И в этом смысле правосознание личности как раз есть тот инструмент, с помощью которого она отличает оригинал от копии, фальшивку от подлинника. Она отличает социальный характер государства, в котором законы социально ориентированы, гуманны и нравственны, от правового государства, в котором эти законы могут быть антигуманными и социально не справедливыми. Представления о том, что *правовое государство* при этом не может быть тоталитарным, выглядят наивно. Диктатура закона, тем более закона социально не справедливого – это тоже тоталитаризм. А.С. Шабуров, например, утверждает, что «в отличие от тоталитарных государственных режимов правовое государство само ограничивает свою деятельность системой четко определенных норм» [15. С. 7]. Но если это оказываются нормы абсолютного меньшинства, которые навязываются подавляющему большинству, что остается от *правового государства*? Тем более, если это еще и не справедливые, безнравственные нормы. Например, нормы режима апартеида, которые существовали в XX веке в США или ЮАР. Или нормы фашизма в Италии и Германии. Становится очевидным, что такие государства нельзя называть «расширенной личностью». Этого не позволяет нам делать наше личное правосознание. Поэтому нельзя не согласиться с формулировкой, согласно которой «правовое» и «социальное» в понятии «правовое социальное государство едины, но противоречивы» [15. С. 8]. Теория социального государства Л. фон Штейна, таким образом, тоже оказывается внутренне противоречивой. И только личное правосознание побуждает человека стремиться к совершенствованию государства, только критическое отношение к нормам устанавливаемых государственной властью законов побуждает личность требовать от государства исполнения своих обязательств, в рамках так называемого «общественного договора». Поэтому «становление социального государства – это процесс не только социальный, но и нравственный, требующий "человеческого измерения"» [15. С. 22].

В процессе развития правосознания личности выстраиваются три модели взаимоотношений между личностью и государством; отношения господства и подчинения; отношения патернализма; отношения взаимной социальной ответственности.

Первая модель отвергается личностью как нарушающая ее автономию. Поскольку личность обладает естественными правами, ограничивающими вмешательство государства в личные отношения, постольку первая модель оказывается для личности неприемлемой. Многовековое существование такой модели в истории человечества всегда основывалось на насилии государства над личностью.

Вторая модель взаимоотношений между личностью и государством также оказалась на практике далекой от совершенства, поскольку патернализм представляет собой не просто заботу государства посредством норм закона об интересах личности, а заботу такую, как государство ее понимает. В этой модели государственные законы оказывались нормами, отражающими не столько подлинные интересы личности, сколько интересы, вмененные личности государством в качестве таковых.

Наконец, *третья* модель взаимоотношений личности и государства – это модель взаимной социальной ответственности. Еще французский социалист-утопист Р. Оуэн в своей книге «Новый взгляд на общество» (1825 г.) сформулировал идею рабочего самоуправления, основанного на взаимной ответственности друг перед другом. В контексте этой идеи, реализация которой, однако, закончилась крахом, ученый полагал, что между личностью и государством должно быть установлено партнерство, в соответствии с которым государство будет выступать на равных по отношению к личности.

Перспективы реализации идеи социального партнерства в настоящее время во многом сковываются правосознанием личности, в том числе и очень критичным ее отношением к самому государству, нормам государственного права (законам), а также коррумпированным характером государственной власти. Для действительного построения социального государства, о котором сказано в п. 1 ст. 7 Конституции РФ, необходимо формирование принципиально новой институциональной среды, в которой нормы права не противоречили бы традиции, а в максимальной степени опирались бы на традицию как живой опыт многовекового развития нашего народа. ■

Источники

1. Андреев Ю.П. Социальные институты // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии / под ред. В.И. Кашперского. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 1999.
2. Бакшутов В.К. Запад и Восток или кто ведет человечество? Екатеринбург: Элита-Регион, 2009.
3. Дискин И.Е. Утопия и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 1.
4. Дубищева Т.Я. Концепции современного естествознания. 3-е изд. М.: Новосибирск, 2001.
5. Левада Ю.А. Homo postsoveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6.
6. Лившиц Р.Л. Homo postsoveticus: упования и реальность // Мировоззрение и культура: сб. ст. / под ред. В.В. Кима. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.
7. Марченко В.Ю. Ландшафт русской души // Проблема самодостаточности этносов: теоретико-методологические вопросы. Вып. 2. Казань: изд-во Казан. гос. ун-та, 1998.
8. Маршев В.И. История управленческой мысли. М.: ИНФРА-М, 2005.
9. Маяков Н.Н., Новожилов А.Е., Стожко К.П., Тарасова О.В. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005.
10. Межуев В.М. Традиция самовластия в современной России // Свободная мысль. 2001. № 4.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. с англ. М.: Начала,1997.
12. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: пер. с фр. М.: Республика, 2002.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб.: Ганза, 1993.
14. Филатов В.И. Социально-онтологические основания целостности человека. М.: Изд-во МГУК; Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2001.
15. Шабуров А.С., Хрущева М.И. и др. Социальное государство: проблемы формирования и развития. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011.

References

1. Andreev Yu.P. Social institutes. [Sotsial'nye instituty]. Yekaterinburg, USTU-UPU Publisher, 1999.
2. Bakshutov V.K. West and East or who leads the humanity? [Zapad i Vostok ili kto vedet chelovechestvo?]. Yekaterinburg, Elita-Region, 2009.
3. Diskin I.Ye. Utopia and Reality. [Utopiya i real'nost']. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*, 2001, no. 1, p. 37.
4. Dubishcheva T.Ya. The concepts of modern natural science. [Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya]. Moscow, Novosibirsk, 2001.
5. Levada Yu.A. Homo postsoveticus. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*, 2000, no. 6, pp. 5–24.
6. Livshits R.L. Homo postsoveticus: hope and reality. [Homo postsoveticus: upovaniya i real'nost']. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2002.
7. Marchenko V.Yu. [The landscape of Russian soul]. The problem of ethnic self-sufficiency: theoretical and methodological issues. [Problema samodostatochnosti etnosov: teoretiko-metodologicheskie voprosy]. Vol. 2. Kazan, KSU Publisher, 1998.
8. Marshev V.I. History of managerial thought. [Istoriya upravlencheskoy mysli]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005.
9. Mayakov N.N., Novozhilov A.Ye., Stozhko K.P., Tarasova O.V. Social dialectics of entrepreneurship: Personality. Self-Governance. Culture. Creation. [Sotsial'naya dialektika predprinimatel'stva: Lichnost'. Samoupravlenie. Kul'tura. Tvorchestvo]. Yekaterinburg: USU Publisher, 2005.
10. Mezhuev V.M. The tradition of autocracy in modern Russia. [Traditsiya samovlastiya v sovremennoy Rossii]. *Svobodnaya mysl' – Free Thought*, 2001, no. 4, p. 98.
11. North D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, 1996. (Russ. ed.: Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. Moscow, Nachala Publ., 1997).
12. Sartre J.-P. Being and nothingness. [Bytie i nichto]. Moscow, Respublika Publ., 2002.
13. Solovyev V.S. Justification of the good. [Opravdanie dobra]. S.-Petersburg, Ganza Publ., 1993.
14. Filatov V.I. Socio-ontological foundation of human integrity. [Sotsial'no-ontologicheskie osnovaniya tselostnosti cheloveka]. Omsk: OSU Publisher, 2001.
15. Shaburov A.S., Khrushcheva M.I. et al. Social state: problems of formation and development. [Sotsial'noe gosudarstvo: problemy formirovaniya i razvitiya]. Yekaterinburg, AMB Publ., 2011.